

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Я. З. Черняка*

Переписка Герцена с Грановским — один из наиболее содержательных источников для изучения общественной мысли сороковых и начала пятидесятих годов. Как известно, в сороковых годах в кружках Белинского и Герцена, в Петербурге и в Москве, а также в обществе Петрашевского, начали вырабатываться те идеи, в которых отразился энергично развивавшийся процесс демократизации общественного движения и литературы. Складывалась разночинная идеология, и это неизбежно вызывало расслоение в лагере русского просветительства, к которому принадлежал Грановский. Разумеется, в сороковых годах многое в этом процессе еще протекало в неустоявшихся формах. В документах, характеризующих тот период, когда, по определению Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом» (Соч., т. 2, стр. 473), отражено еще не размежевание политических партий, а лишь предвидение будущего решительного размежевания. Различные, более или менее острые разногласия и столкновения по отдельным, иногда важнейшим коренным вопросам характеризуют начавшуюся борьбу двух основных лагерей в русском общественном движении середины XIX века — революционно-демократического и буржуазно-либерального.

Белинский первый — и с наибольшей силой и страстью — в знаменитом письме к Гоголю выразил антикрепостнические, антидворянские настроения крепостного крестьянства и сформулировал цели и направление революционной борьбы. Он был, как говорил Ленин, «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении» (В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223), но именно *предшественником*. Герцен, начиная с 1841 г., шел плечо к плечу с Белинским. Герцен свидетельствует, что молодежь — передовые студенты, слушатели Грановского, читатели «Отечественных записок» — видела в Белинском и в нем самом представителей боевого материалистического мировоззрения. Он прямо говорит, что студенты «начали восставать» против «романтизма» Грановского. «Они хотели непременно, — вспоминал Герцен, — чтоб я склонил его на нашу сторону, считая Белинского и меня представителями их философских мнений» (XIII, 188).

Но Белинский и Герцен не только явились зачинателями борьбы против идеализма в философии; они явились идеологами революционного преобразования страны. Грановский же в борьбе с крепостным правом и самодержавием оказался не в силах подняться до последовательных, решительных выводов своих друзей; он был и остался просветителем, но не революционером. На этой-то почве неизбежно должны были возникнуть и развиваться глубокие принципиальные и тактические разногласия между Герценом и Грановским.

Письма Грановского равно интересны и для характеристики замечательной дружбы двух крупнейших руководителей русской общественной мысли той поры, и для характеристики серьезных идейных расхождений между ними.

Необходимо, однако, оговорить одно существенное обстоятельство. Переписка Герцена и Грановского сохранилась лишь частично. В точности неизвестно даже количество

* Письмо Грановского от июля — августа 1849 г., печатаемое под № 2, сообщено М. Ю. Барановской.

писем, которыми они обменялись после отъезда Герцена за границу. Дошло же до нас всего *девять* писем, полученных Герценом от Грановского с 1847 по 1855 г. В это число не входят ни приписки Грановского, сделанные в письмах других членов «московского кружка», ни коллективные письма, в которых принимал участие Грановский, ни еще одно «большое письмо» 1851 г., не дошедшее до Герцена (оно погибло во время кораблекрушения у Гиерских островов). Из указанных девяти писем сам Герцен напечатал в «Полярной звезде на 1859 год» только пять, сделав к тому же в каждом из них более или менее значительные кушеры. Несколько выдержек из писем привел он еще раньше в некрологе Грановского «На могиле друга», опубликованном в «Полярной звезде на 1858 год». Таким образом, при жизни Герцена ни одно письмо Грановского не было опубликовано полностью. В 1936 г. в сборнике «Звенья» (VI, 1936, стр. 355—364) *три* письма были напечатаны полностью, по автографам (июнь 1849 г., июль 1849 г. и 1851 г.). В настоящую публикацию они не входят. Остальные шесть печатаются ниже по подлинникам, сохранившимся в «пражской коллекции» (№№ 1, 3, 4, 5, 6) и в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (№ 2).

Выдержки из писем Грановского были впервые приведены Герценом в тексте «Былого и дум». Те главы «Былого и дум», в которых Герцен создает портрет Грановского, служат для этих выдержек своеобразным и очень важным комментарием.

В литературе, посвященной Герцену, неоднократно указывалось уже, что рассказ Герцена о Грановском, о годах дружбы и близости с ним, о «теоретическом разрыве», последовавшем в 1846 г., и о их дальнейших сношениях в те годы, когда Герцен оказался за границей, — не полон. Герцен не раскрыл в соответствующих главах «Былого и дум» всего содержания ожесточенных «злых» споров, происходивших на даче в Соколове и приведших к «разрыву». Он считал себя вправе отобрать из массы фактов, которыми располагал, наиболее выразительные и яркие и передать с их помощью лишь атмосферу и напряжение возникших разногласий, умолчав о многих, существенных, с исторической точки зрения, сторонах этих разногласий. Знаменитые страницы «Былого и дум», повествующие о столкновениях мнений и лиц в «московском кружке», дают правдивый и художественно точный *образ* всего происшедшего, но на действительно *политическое* содержание споров они только намекают. Между тем, разногласия эти разделили друзей на два стана. Один, возглавлявшийся Герценом, развивал материалистические взгляды; другой, во главе с Грановским, продолжал цепляться за романтизм и идеализм. Герцен же в своих воспоминаниях изображает дело так, будто он нападал «только» на научную непоследовательность Грановского, требуя большего мужества в признании объективной истины, хотя бы она и была неутешительной для лица, и т. д. Конечно, Герцен дает понять читателю, что спор с Грановским о вере в бессмертие души не исчерпывал тех действительных разногласий, которые бурно нарастали в их кругу. И все же о том, что в Соколове, при участии Белинского, а через год при участии Огарева, между Герценом и Грановским велись острые споры об «отношении к народности», т. е. о перспективах революционного пробуждения народа, что в действительности речь шла об общих проблемах философии материализма того времени, что революционные выводы, которые Герцен сделал из философского материализма, были неприемлемы для Грановского, что социализм и его судьбы в России и на Западе явились предметом обсуждения, — мы узнаем не непосредственно из «Былого и дум», а из воспоминаний П. В. Анненкова, свидетеля и участника «подвижных конгрессов» в Соколове, как он назвал летние съезды друзей (см. П. В. А н н е н к о в. Замечательное десятилетие, главы 25—27), и из воспоминаний И. И. Панаева (ч. 2, гл. V).

Умолчания Герцена не были случайными пропусками. На исходе 1857 г., когда создавались главы III части «Былого и дум», Герцен не мог говорить об этих предметах в печати с полной откровенностью: безопасность членов «московского кружка» требовала от него осторожности. Связан он был также необходимостью соблюдать особый такт относительно тех участников споров — Кетчера, Корша, Боткина, —

которые постепенно превращались из друзей в противников. Надежда на то, что некоторые члены кружка станут сотрудниками и корреспондентами только что основанного «Колокола», тоже побуждала Герцена к величайшей сдержанности. Все взятое вместе мешало ему полным голосом рассказать о Грановском.

Очень сдержанно и кратко рассказал он и о своей переписке с Грановским. «Передо мною лежат три-четыре письма, которые я получил от Грановского в последние годы, — пишет Герцен; — какая развешивающая, мертвящая грусть в каждой строке!» (XIII, 117). Он приводит далее выдержки из писем, несколько изменяя даты, и, произвольно соединяя отдельные места из разных писем, демонстрирует перед читателем «мертвящую грусть», но умалчивает о том, что Грановский в тех же письмах не только выражал свои дружеские чувства, но и жестоко полемизировал с ним, Герценом. Публикуя в 1859 г. письма Грановского и Белинского, Герцен сделал специальную оговорку: «Я должен предупредить, что я счел необходимым очень многое из писем Белинского и из писем Грановского не печатать» («Полярная звезда на 1859 год», стр. 199).

Теперь мы имеем возможность напечатать письма Грановского к Герцену полностью, без купюр. Написана большая часть из них во второй половине 1848 г. и в последующие годы, т. е. после поражения революции в странах Западной Европы. Жесточайшая реакция и разгул полицейского террора в России в 1849—1851 гг. тоже отразились на этих письмах. Грановский оставался непримиримым врагом деспотизма Николая I; письма его дышат ненавистью к угнетателям просвещения и литературы; в одном из писем он с огромным волнением говорит о преследовании молодежи, об угрозе закрытия университетов (письмо 1849 г., см. «Звенья», VI, 1936, стр. 359—361). Именно это письмо Герцен особенно охотно и подробно цитирует; здесь Грановский выступает с лучшей своей стороны, в качестве передового профессора Московского университета, друга и учителя оппозиционно настроенной молодежи, в качестве «просветителя нации», как назвал его впоследствии Чернышевский.

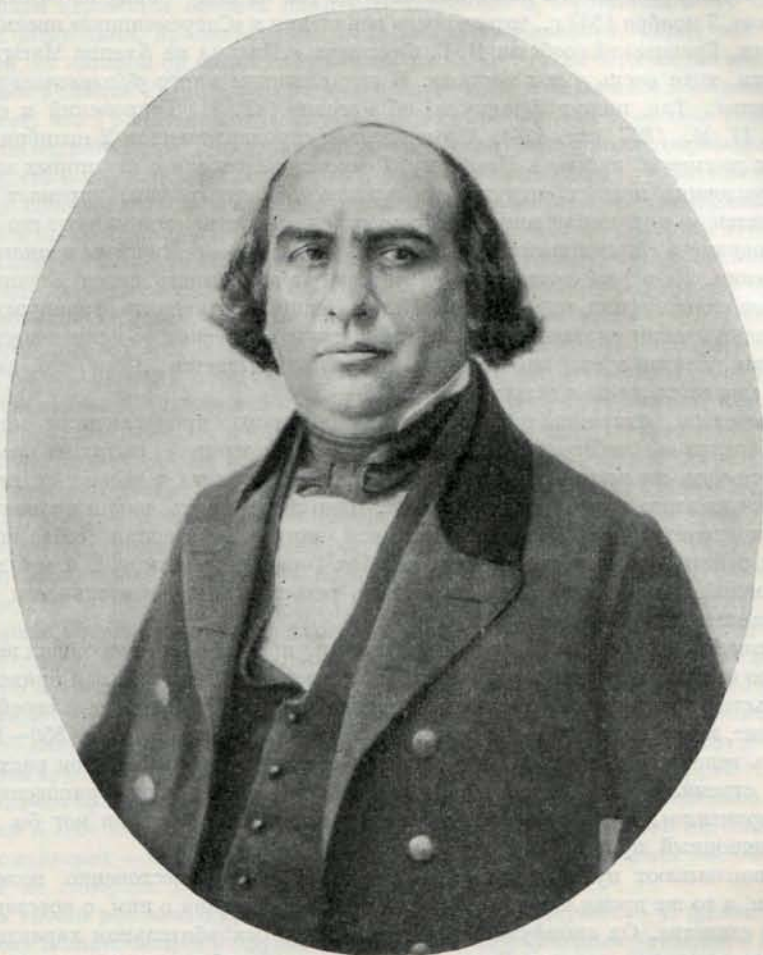
Однако по отношению к социально-политической действительности Запада позиции Герцена и Грановского не совпадали. Острая критика европейской буржуазии, которая прозвучала в первых же письмах Герцена из Франции и Италии, была чужда Грановскому. Он увидел в ней легкомысленное отрицание исторически прогрессивной роли «третьего сословия» — роли, которая, по мнению Грановского, далеко еще не была сыграна до конца.

Грановский продолжал борьбу с идеями Герцена и позже, когда Герцен — в частных письмах и в брошюре «Развитие революционных идей в России» (1851) — впервые формулировал, прямо и косвенно, задачи революционной агитации. Отклик Грановского на эту брошюру был чрезвычайно суров: «Зачем писал ты твою несчастную книгу о России? (...) — спрашивал он. — Ее получают и прочтут пять или шесть аристократов (...) Ты своею книгой (...) отнял у нас окончательно право на возможность напоминать русской публике о Белинском (...) Кроме новых строгих мер и новых стеснений ты ничего не доставил нам...» («Звенья», VI, 1936, стр. 356—357).

Свои суровые упреки Грановский заканчивал словами: «Не могу более писать. Сердце сжато и голова горит при мысли, что ты, а не другой сделал это. Не ты ли восставал на иностранцев, писавших о России, не обращая внимания на наше положение и называя лица по именам? А ты поступил хуже. Никто столько не повредил нам, как ты. Да! не благие плоды принесла до сих пор русская эмиграция (...) А знаешь ли, как любила тебя русская молодежь, как уважала тебя за то, что написано тобой по-русски. И все это должно погибнуть под влиянием жалкой брошюры» (там же, стр. 358).

Герцену было больно читать подобные обвинения. Чувства, вызванные этим письмом, отчетливо выразил Огарев. На подлиннике есть позднейшая надпись Огарева, сделанная после его приезда в Лондон в 1856 г.: «Не жги этого письма, Герцен, сохрани его, как хранят в памяти печальные события. Николаевский террор частью оправдывает его. Нам остается только простить и страшно пожалеть, что Он умер, не покавшись. Что-то душит, Герцен, и плакать хочется» (там же).

Весной 1853 г., основывая типографию, Герцен обратился к друзьям с призывом поддержать его. Ему ответили молчанием или резкими порицаниями. Через четыре года в передовой статье первого листа «Колокола» Герцен заговорил об этом велух, разумеется, никого не называя по имени. «Ответа не было, — с горечью писал он, — или хуже — до меня доходили одни порицания, один лепет страха, осторожно шептавший мне, что печатание за границей опасно, что оно может компрометировать и наделать

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

Фотография, 1850-е гг.

Исторический музей, Москва

бездну вреда; многие из близких людей делили это мнение» (VIII, 526). Из публикуемых нами писем вытекает, в частности, что именно Грановский использовал поездку М. С. Щепкина за границу в 1853 г., чтобы попытаться уговорить Герцена прекратить работу Вольной русской типографии.

Грановский неодобрительно высказывался и о первых воззваниях Герцена, выпущенных Вольной типографией в 1853 г. «Менее всего понравился здесь „Юрьев день!“ *, — писал Грановский. — Зачем ты бросил камень в Петра, вовсе не заслужившего твоих обвинений, потому что ты привел неверные факты. Чем долее живем

* В названии брошюры Грановский ошибся. Он имеет в виду «Крещеную собственность», вышедшую тем же летом 1853 г. Здесь Герцен писал, что Петр I запер сельскую общину «замком немецкой работы» (VII, 270).

мы, тем колоссальнее растет пред нами образ Петра. Тебе, оторванному от России, отвыкшему от нее, он не может быть так близок и так понятен...» (см. письмо № 6). Однако, упрекая Герцена в этих нападках на Петра, сближающих его со славянофилами, Грановский вместе с тем выражает восторг перед талантом Герцена, находит в его даровании черты гениальности.

В эти же годы, все более обостряя свои нападки на Герцена, Грановский доходит до оценок весьма резких. Мы напомним вкратце две из них — одну из самых первых и последнюю. 7 ноября 1847 г., тотчас после появления в «Современнике» писем Герцена из Франции, Грановский сообщал Н. Г. Фролову: «„Письма из Avenue Marigny“ мне не нравятся, хотя очень умны местами. В них слишком много *фривольного* русского верхоглядства. Так пишут французы об России» («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 424). А в последнем, продиктованном 2 октября 1855 г., за два дня до смерти, письме к Кавелину, Грановский, говоря о некоторых малоудачных выступлениях первых сотрудников лондонской типографии, упрекает Герцена в «самом детском» понимании вещей. «Его собственные статьи напоминают его остроумными выходками и сближениями, — пишет Грановский, — но лишены всякого серьезного значения. И что за охота пришла человеку разыгрывать перед Европою роль московского славянофила, клеветать на Петра Великого и уверять французских *refugiés* в существовании сильной либеральной партии в России. У меня чешутся руки отвечать ему печатно в его же издании (которое называется „Полярной звездой“). Не знаю, сделается ли это» (там же, стр. 455—456).

Впоследствии, опираясь на авторитет Грановского, пропагандисты монархического либерализма (либералы типа Кавелина и Чичерина) пытались изобразить Грановского чуть ли не инициатором их нападков на Герцена и весьма охотно приводили строки из этого предсмертного письма. Надо ли говорить, какая пропасть лежит между искренней и чистосердечной критикой, которую позволял себе по поводу отдельных действительных или мнимых ошибок Герцена Грановский, и той демагогической, полной вражды и клеветы «критикой» революционной деятельности Герцена, которой занимались Чичерин и Кавелин!

Как известно, Герцен, несмотря на протесты и упреки Грановского, шел неуклонно вперед. Это была та пора его деятельности, когда каждый день начинал приносить ему доказательства правильности избранного пути. Уверенность Герцена в своей правоте в тот момент, когда он писал о Грановском в «Былом и думах» (т. е. в 1856—1857 гг.), была столь велика, что, вспоминая с величайшей тяжестью в душе свои расхождения с ним, он стремился, тем не менее, убедить себя и других, будто Грановский заблуждался «временно», будто он признал бы свою неправоту, будто он мог бы вступить на революционный путь.

Как показывают публикуемые письма, Грановский, ожесточенно полемизируя с Герценом, в то же время тянулся к нему, мечтал о свидании с ним, о восстановлении дружбы и единства. Он сконфуженно раскаивался в оскорбительном характере некоторых своих упреков и заверял Герцена, что мысли оскорбить его не имел (см. письмо № 5). Он оправдывал себя необходимостью призвать Герцена к соблюдению осторожности.

Создавая литературный портрет Грановского, Герцен не скрывал и не оправдывал его заблуждений и слабостей и подчеркивал, что Грановский признавал свою неправоту в спорах 1846 г., что он отрекался от романтических заблуждений, что он готов был пересмотреть свои ошибочные взгляды. В главе «На могиле друга» Герцен, как и Огарев в послании «Мертвому другу», написанном одновременно и включенном Герценом в состав главы, с искренней скорбью говорят о несостоявшемся примирении с Грановским; примирению помешала, как они полагали, только смерть. В тот момент Герцен и вообразить себе не мог, что либеральные друзья его — Кетчер, Корш и другие — через некоторое время вполне обнаружат свою реакционную сущность и вынудят его назвать их «загнившим поколением». Все это определилось позже, чем написан был портрет Грановского в «Былом и думах». Только в 1862 г., после реакционных выступлений «московских друзей», Герцен с полной отчетливостью увидел сущность ошибок Грановского. «... С Грановским умерла Москва, и, может, это — счастье для

Грановского, что он умер», — писал Герцен в сентябре 1862 г. Сатиру, характеризую поведение «москвичей» (XV, 473).

Неправильные суждения, высказанные Грановским в письмах, Герцен при жизни Грановского считал ошибками, если и не случайными, то все же не такими, которые должны определять объективное значение деятельности Грановского. Вот почему об этих ошибках Герцен говорит мимоходом, вскользь, как об отдельных срывах.

Герцен стремился оберечь память Грановского и восстановить его облик перед новыми читателями, привлеченными лондонской типографией, перед той молодежью в России, от которой он начал получать после 1856 г. такие горячие письма. Он рисует громадное влияние Грановского на университет и «на все молодое поколение». Он подчеркивает, что Грановский «сумел в мрачную годину гонений от 1848 года до смерти Николая сохранить не только кафедру, но и свой независимый образ мыслей, и это потому, что в нем с рыцарской отвагой, с полной преданностью страстного убеждения стройно сочеталась женская нежность, мягкость форм и та примиряющая стихия, о которой мы говорили» («Полярная звезда на 1858 год», стр. 113). Дав в печать эти страницы, Герцен писал в ноябре 1857 г. М. К. Рейхель: «Теперь печатаются мои „Записки“ и именно о Грановск(ом); я вам пришло в листах. Там вы найдете о нем превосходное стихотворение Огарева; желаю знать, как они вам, — многие будут недовольны... Но вперед, „об истине глася неумолимо“..., но со всей полнотой любви» (IX, 47). Итак, задача у Герцена была такая: рассказать о Грановском неумолимую *правду*, но *со всей полнотой любви*. Герцен и нарисовал правдивый образ Грановского, который не был «боец как Белинский», сила которого была «не в резкой полемике, не в смелом отрицании», а «в положительном нравственном влиянии» и, главное, «в постоянном глубоком протесте против существующего порядка в России» («Полярная звезда на 1858 год», стр. 113). Вместе с тем Герцен не скрыл от читателей своего убеждения, что «Грановский по всему строению своей души, по ее романтическому складу, по не любви к крайностям, скорее был бы гугенот и жирондист, нежели анабаптист или монтаньяр» (там же, стр. 113).

Герцен сперва рассказал о стремлении Грановского примириться, признать свою неправоту (гл. XXIX) и лишь после этого — о «теоретическом разрыве» (гл. XXXII). Говоря о некрологе «На могиле друга», Герцен сообщал Рейхель: «Сто раз переписывал главу (которой у вас нет) о размолвке (с Грановским. — Я. Ч.), я смотрел на каждое слово, — каждое просочилось сквозь кровь и слезы. Я год обдумывал, начать или не начинать труд такой интимный и такой страстный, что, начавши, трудно было остановиться. Весь вопрос состоял: „Исповедуешься ли ты перед своей совестью, что ты чувствуешь в себе силу и твердость сказать всю истину?“ Из этого не следует, что все в моих записках — само по себе *истина*, но истина для меня, я мог *ошибиться*, но уже не мог не говорить *правды*» (IX, 81).

Из своего рассказа о Грановском Герцен почти совершенно устранил упоминания о личных столкновениях в кружке после 1846 г. Центральным эпизодом в истории этих отношений был разрыв в 1849—1850 гг. между Грановским и Огаревым. Об этом Герцен пишет очень кратко: «...Гораздо позже между Грановским и Н., которые пламенно, глубоко любили друг друга, протеснилась сверх теоретической размолвки какая-то недобрая полоска, но мы увидим, что и она, хотя поздно, но совершенно была снята» («Полярная звезда на 1858 год», стр. 117).

Герцен стремился показать читателю, что не только в личных отношениях развитие событий привело к смягчению бывших конфликтов, но что и «теоретический разрыв» закончился, как ему казалось, признанием со стороны Грановского своей неправоты. Однако в действительности этого разрыва не только не удалось смягчить, но с течением времени он становился все ощутимее и резче, в особенности в сфере политической. Участники некогда тесного кружка, понимая неизбежность возникших расхождений, в то же время глубоко от них страдали. Ранняя смерть Грановского заставила Герцена и Огарева с особой остротой почувствовать непоправимость того отчуждения друг от друга, которое возникло между ними троими в дни памятных «споров 1846 года».

О том, какую глубокую боль вызвало в Герцене известие о смерти Грановского, мы знаем из «Былого и дум». Глубоко скорбел и Огарев. Об этом свидетельствует

следующее незаданное письмо Н. А. Тучковой-Огаревой к Е. С. Некрасовой от 3 декабря 1903 г.:

«Кажется, я вам когда-то писала, что на последней станции (перед Москвой) письмо от моего зятя (Н. М. Сатина) к сестре: „Елена, — писал он коротко, — Грановский умер“. Она вскрикнула и повторила: „Умер“. Тогда страшно вспомнить, что было с Огаревым, он то рыдал, то, желая подавить свои рыдания, кусал себе пальцы до крови, не говорил, не смотрел ни на кого, и так вплоть до Москвы. Там он ежедневно ходил на могилу и стал сильно пить» (ЛБ, ф. Е. С. Некрасовой).

Биографы Грановского подчеркивают, что и он тяжело страдал от разрыва с самыми близкими своими друзьями. О том же говорят печатаемые ниже письма.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 80) и Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ф. 345, ед. хр. 1, л. 25 и об.).

1

(Москва. Начало сентября 1847 г.)¹

Опять романтизм, скажешь ты, может быть, прочитав это письмо. Пусть будет по-твоему, Герцен. Я остаюсь неизлечимым романтиком. Сегодня у меня потребность говорить с тобой. Ночь так хороша; Лиза до двух часов мне играла Моцарта; душа настроена тепло, как давно не была. И потом твой Крупов!

Я его слышал от тебя прежде, но он мало произвел на меня впечатления, не знаю почему. В «Современнике» он напечатан с большими выпусками, а я не могу его начитать. Знаешь ли, что это гениальная вещь². Давно я не испытывал такого наслаждения, какое он мне дал. Так шутил Вольтер во время оно, но в Крупове более теплоты и поэзии³. Мне от него повеяло тобою и днями, проведенными в Покровском и в деревянном доме Яковлева⁴. Он снял у меня с души что-то ее сжимавшее, от чего ей было неловко с тобою. Мне кажется, что я опять слышу твой смех, Герцен, что я опять вижу тебя во всей красоте и молодости твоей природы. Зачем же было надевать на себя маску *bourgeoisie*⁵, которую ты так гонишь во Франции? Я не отвечал на большую часть твоих писем, потому что они производили на меня нехорошее действие. В них какой-то затаенный упрек, неприязненная *aggrège-repense* *, которая поминутно пробивается наружу. То же чувствовал, кажется, и Корш⁶, хотя мы не говорили с ним об этом. Твои прежние насмешки над близкими тебе не были обидны, потому что в них была добродушная острота; но ирония твоих писем оскорбляет не самолюбие, а более живое и благородное чувство⁷. Не лучше ли было прямо написать к нам, пожалуй, жесткое письмо, если ты не был нами доволен, но ты рассыпал свои намеки в письмо к Татьяне Алексеевне⁸ и т. д. Это было нехорошо, Герцен. Последние дни твои в Москве могли доказать тебе, что соколовские сцены⁹ не оставили следов и сколько любви и преданности оставил ты за собой. Корш умеет шутить и острить, когда его дети больны при смерти¹⁰, но он плакал, провожая тебя. Неужели ты не оценил и не вспомнил¹¹ этих недешевых слез? К чему же повторять смешные обвинения в отсутствии деятельной любви, в апатии и пр. и пр. Мы не писали к тебе. Но разве твои письма из Парижа вызывали к ответу? Что мне за охота спорить с тобою о настоящем значении *bourgeoisie*? Я говорю об этом с кафедры довольно. Я человек, до крайности личный, т. е. дорожу своими личными отношениями, а эти отношения к тебе были нелегки в последнее время. Дай же руку, *carissime!* **

* задняя мысль (франц.).

** дорогой мой (итал.).

Да здравствуют записки д(октора) Крупова, они были для меня и художественным произведением и письмом от тебя. Из них я опять услышал твой голос, увидел твое лицо.

Жду с нетерпением писем из Avenue Marigny—и от тебя также. От Огарева получил вчера. Он все хозяйничает, но теперь прибавил к хозяйственным педагогические занятия. Ты, вероятно, знаешь, какого рода ¹².

Наталье Александровне пожми от меня крепко обе руки. Когда же увижу вас, друзья мои? Покамест будьте счастливы, прощайте! А Крупов дивно хорош! Марье Федоровне ¹³ рукожатие.

Кавелин пишет тебе подробно о развязке истории с Крыловым ¹⁴.

ПОДМОСКОВНАЯ ПОЧТОВАЯ СТАНЦИЯ ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ. ЗДЕСЬ 19 ЯНВАРЯ 1847 г. ПРОИСХОДИЛИ ПРОВОДЫ, УСТРОЕННЫЕ Т. Н. ГРАНОВСКИМ И ДРУГИМИ МОСКОВСКИМИ ДРУЗЬЯМИ УЕЗЖАВШЕМУ ЗА ГРАНИЦУ ГЕРЦЕНУ

Фотография, 1937 г.

Литературный музей, Москва

¹ Дата определяется содержанием: «Записки доктора Крупова» напечатаны в сентябрьской книжке «Современника» за 1847 г., «Письма из Avenue Marigny» — в октябрьской книжке того же журнала. На письме надписи Герцена: В 1847 и ЛВ.

² Герцен, печатая письмо в «Полярной звезде» на 1859 год, стр. 214, передал это место в следующей редакции: «Знаешь ли, что это просто гениальная вещь».

³ Герцен напечатал это место в «Полярной звезде» в следующем виде: «Так шутил Вольтер во время оно и сколько теплоты и поэзии», устранив слова Грановского о преимуществе «Доктора Крупова» перед произведениями Вольтера.

⁴ При печатании, опустив фамилию «Яковлев», Герцен сделал к этому месту примечание: «Грановский говорит о доме, в котором мы жили до кончины моего отца».

⁵ Это место в «Полярной звезде» передано так: «Зачем же было надевать на себя какую-то буржуазную маску, которую ты так гонишь во Франции». К приведенным словам Герцен сделал примечание: «Я этого упрека никогда не мог понять и относил его к дамским размовкам перед нашим отъездом, об них я упомянул вскользь». См. «Былое и думы» в «Полярной звезде» на 1858 год, стр. 191.

⁶ Евгений Федорович Корш (1810—1897) — в сороковых годах приятель Герцена. Корш придерживался либеральных взглядов и на этой почве резко разошелся с Герценом.

⁷ Это место в «Полярной звезде» напечатано в следующем виде: «оскорбила самолюбие и более живое...»

⁸ Татьяна Алексеевна Астракова — см. ее письма к Герцену, публикуемые в настоящем томе.

⁹ В «Полярной звезде» напечатано: «Соколовские споры»; в этой же фразе в «Полярной звезде» опечатка: «Последние дни твои в многом...» (вместо: «в Москве»).

¹⁰ Слова «при смерти» Герценом в печати опущены.

¹¹ Слова «и не вспомнил» Герценом в печати опущены.

¹² Все, что относится к Огареву, опущено Герценом в «Полярной звезде». Письмо Огарева, о котором идет речь, опубликовано в сборнике «Помощь голодающим», М., 1892, стр. 524—525. «Педагогические занятия» — хлопоты об устройстве «Народной политехнической школы» в Старом Акшене. В упомянутом письме Огарев торопил Грановского, прося помочь ему поскорее подыскать учителя для этой школы.

¹³ *Марья Федоровна* — Корш.

¹⁴ Абзац, посвященный Кавелину, опущен Герценом в печати. Письмо Кавелина к Герцену, о котором идет речь, неизвестно.

2

(Июль—август 1849 г.) ¹

Марья Федоровна дала мне прочесть письмо твое, Герцен. От него звучали все романтические струны, какие есть в душе моей. От прежнего романтизма (1846 года) я отделался, но у меня еще усилился романтизм в части моих личных привязанностей. От этого не хочу отделяться. Это лучший, светлый и святой угол в сердце, куда я уйду от всего другого.

Недавно случилось мне быть в доме Гагариной ². Предо мной поднялись все вы: ты, Наталья Александровна, Сашка и *тогдашние мы*. Я не говорю, как ты, что личные отношения выше всего, да и ты говоришь это в горькую минуту, но я теперь живу личными отношениями, воспоминаниями... Хорошо было бы еще раз сойтись нам на этом свете. Этой надежды нет более во мне, да и вообще у меня мало надежд. Но в числе верований, поддерживающих лично меня, одно из главных — вера в тебя и в твою дружбу. (18)46 год прошел для меня мучительнее, чем для вас, но я вышел из него здоров. Слава богу. А внутренняя связь с тобою и Огаревым еще укрепились. Если бы нам пришлось встретиться, мы, вероятно, не разошлись бы более в понятиях. Для нас обоих прошло, кажется, время опытов, догадок и чаяний — пора знать досконально и не бояться узнанного. Саго, как будто мир стоит для нашего удовольствия? Он сам по себе. Это, конечно, неприятно, да ведь не переменишь. А Монталамбер ³ недавно доказал как $2 \times 2 = 4$, что мир собственно стоит для того, чтоб человеку было похуже. Я писал тебе до отъезда твоего из Франции и адресовал Rue Chaillot. Дошло ли это письмо? ⁴

¹ Письмо датируется приблизительно; основание для датировки дают те строки, где говорится о письме, отправленном по парижскому адресу до отъезда Герцена из Франции. Отъезд произошел в двадцатых числах июня 1849 г. См. примеч. 4.

Возможно, что комментируемый текст — это только начало письма, которое Грановским отправлено не было, а было заменено новым — от 25 августа (см. следующее письмо). Подлинник публикуемого отрывка сохранился не в архиве Герцена, а в бумагах Станкевичей (ГИМ).

² В доме Гагариной, в Гагаринском переулке в Москве, Герцен с семьей жил короткое время, в 1842 г. («Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней А. И. Герцена». М., 1909, стр. 29).

³ Шарль Монталамбер (1810—1870) — клерикал, политический деятель, идейный руководитель иезуитов и католической партии (ультрамонтанов) во Франции при Луи-Филиппе и Наполеоне III.

⁴ Письмо, о котором говорит Грановский, известно. Оно напечатано в сборнике «Звенья», VI, 1936, стр. 362—363. Герцен получил его в Швейцарии, куда письмо было переслано в конце июля 1849 г., и отвечал на него 2—5 августа 1849 г. (см. «А. И. Герцен. Новые материалы», М., 1927, стр. 69—71). Герцен покинул Париж и Францию около 20 июня из-за полицейских преследований. В это время на Rue Chaillot № 111 жила мать Герцена, Луиза Ивановна Гаг. Этот адрес указал Грановскому

[illegible]

these signs are indicated. They have - & when
displayed the very organs that were impoverished
that have, as it seemed you can expect that they do
consequently sleep is similar - they are dependent
on the same dependent themselves, not dependent
on particular the blood & itself. The same does
regulate, perhaps before asleep, perhaps in waking
for your organization - in relation to various cases
that. Signs are enough that various symptoms are
and no one of these symptoms, for long unimpaired
even. Symptomatically regular process, but not
the very symptoms enough the same effect making the
thought - it must make a mistake when you open
you in question the Charles Grant to be made

Герцен в письмах от 12—14 мая 1849 г. как наиболее прямой и действительный до октября (там же, стр. 67). На квартиру Гааг в июне явилась парижская полиция — арестовать Герцена, но уже не нашла его там (V, 266). Адрес, таким образом, стал известен полиции и поэтому был заменен швейцарским.

3

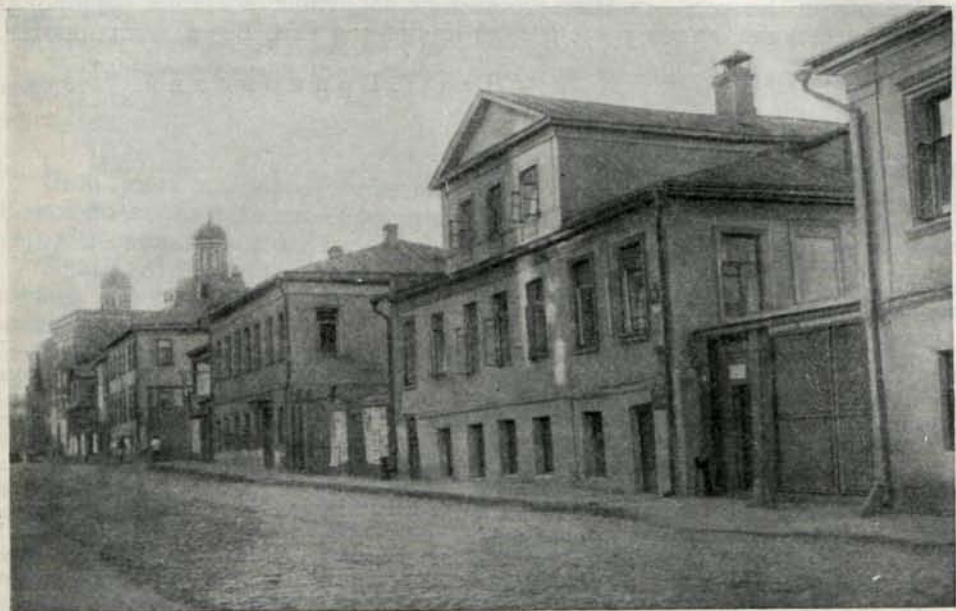
(Москва.) 25 августа (1849 г.)

Не хочу долго оставаться под обвинением в недостатке любви к Огареву. Если бы не ты произнес это обвинение ¹, я бы не стал даже оправдываться или отвечать, — до такой степени оно лишено всякого основания. Но тебе, Герцен, я повинен отчетом в словах, которые у меня вырвались насчет Огарева и которых я не могу взять назад ². Герцен, тебе знакомо чувство, овладевающее человеком при виде умирающего любимого ребенка, на котором лежало много надежд? Тебе знаком тот вопрос и ропот на судьбу, которые невольно рвутся из груди. Для меня в Огареве соединились теперь и ребенок, и судьба, его бессмысленно губящая. Мне тяжело и грустно писать это письмо. Знаю, что оно огорчит тебя, но делать нечего. Это не обвинение на Огарева, не донос — ты сам поймешь, что в нем ³.

В дружбу мою к вам двум (третьего могу прибавить только Фролова) ушли лучшие силы моей души. В ней есть доля страсти, заставлявшая меня горько плакать в 1846 году и обвинять себя в бессилии разорвать связь, которая, повидимому, не могла продолжаться. Почти с отчаянием заметил я тогда, что вы прикреплены к моей душе такими нитями, которых нельзя перерезать, не захватив живого мяса. То время прошло, но, смею сказать, не без пользы для меня. Я вышел победителем из борьбы с худшею стороною самого себя. Того романтизма, за который вы обвиняли меня, не осталось следов. Зато все, что было романтического в самой натуре м(оей) *, то органическое, чего не выедает мысль, вошло в мои личные привязанности. Помнишь ли ты письмо мое по поводу Крупова? ⁴ Оно написано в памятную мне ночь. С души сошла черная пелена, твой образ воскрес передо мною во всей ясности своей, и я протянул тебе руку в Париж так же легко и любовно, как протягивал в лучшие, святые минуты нашей московской жизни. Герцен, не талант твой только (а я его никогда так высоко не ставил, как теперь) подействовал на меня так сильно из «Крупова»: от этой пьесы мне повеяло всем тобою. В Левке и в Крупове были знакомые, дорогие мне черты, хотя они и не похожи один на другого. — Когда-то ты оскорблял меня, говоря: не полагайте ничего на личное, верьте в одно общее. — А я всегда много полагал на личное. Но личное и общее сошлись для меня в тебе. От этого я так полно и горячо люблю тебя ⁵. — Так любить Огарева нельзя. В любовь мою к нему примешалось глубокое чувство сожаления и — пожалуй — укоризны. Мое отношение к нему восстановилось скорее, чем к тебе. Достаточно было нескольких писем, чтобы сгладить в сердце след мучительной разномыслии ⁶. Когда он возвратился в Москву, мы встретились, как встречались прежде. Но с тех пор начинается для него ряд падений, на которые я не мог смотреть равнодушно (...) Он оправдывал себя тогда несчастною любовью к Душеньке Кобылиной, выходившей замуж ⁷. Что же? Она еще не успела выйти замуж, а он уже перенес страсть свою на ее сестру, добрую, но ничтожную, взбалмошную женщину, которой покорился, как некогда Марье Львовне. Она уехала с ним в деревню. Там разыгралась новая драма. Тучков в его присутствии оскорблял нагло графиню, а он молчал. Он мог не любить ее, но должен был оградить от обид. Остальное вы знаете. Я не верю в счастье Natalie ⁸ и в любовь Огарева.

* Письмо, повреждено.

Это увлечение, источник которого—душевная праздность. Я слышал от него такие же страстные речи о Кобылиной и Салиас. И все это так недавно. А между тем он говорил о своих улучшениях по имению и не только разорялся, но давал разорять крестьян своих. Маршев ссылал на поселение его людей без ведома Николая Платоновича⁹. Герцен, *noblesse oblige* *. Не того ждали мы все от Огарева. Я не требую от него занятий наукою, трудов каких-нибудь, а человеческого, благородного существования. За что же осуждена Natalie платить за поэтические прихоти Огарева? За что на Сатина пало так много неоправданных подозрений, заподозрена

ДОМ ГУРЬЕВА НА ДРАЧЕВСКОЙ УЛИЦЕ В МОСКВЕ (ТЕПЕРЬ ТРУБНАЯ УЛИЦА, № 32). ЗДЕСЬ В 1842—1843 ГГ. ЖИЛ Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

Фотография, 1930-е гг.

Литературный музей, Москва

его честь? Оттого, что Огарев не хотел взять на себя труда устроить свои дела и, свалив хлопоты на других, спешил в Крым насладиться новым счастьем¹⁰. Его легкомыслие доходило до жестокого эгоизма. Вот отчего у меня вырвались те слова, которые подали тебе повод к обвинению на меня. Я люблю Огарева не менее прежнего, но иначе, не так хорошо, не так легко. Я измучился во время его последнего пребывания здесь. Да и время ли так жить, как он! Преступно петь в его лета: *ich singe wie der Vogel singt* **. Amen ***. Не могу более писать об этом. Ему я не мог высказать всего, что было в сердце: наши отношения в сию минуту ни довольно ясны, ни довольно равны.

Дайте вашу руку, Наталья Александровна. Зачем же *дребезжит струна, связывавшая нас?* Во мне она крепка, как в день вашего отъезда. Или вы приняли за признак безвыходной слабости, тупого отчаяния горькое чувство, которое высказывалось в моих письмах к вам? Да, у меня много горя на душе, всякого горя, мало надежды, — но я не дам себя

* положение обязывает (франц.).

** я пою, как птица поет (нем.; строка из «Певца» Гёте).

*** Аминь (лат.).

легко задавить ни горю, ни безнадежности. У меня есть труд да личные связи мои. Завтра ваши именины. Я выпью за вас и помяну вас. Жаль, что вы потеряли кольцо мое. Авось пришлю вам новое, — знаете, вроде тех, какие были у старика Рейхеля. А зачем же дребезжит струна? Скажите мне прямо. Оскорбил я вас чем в письмах моих? Может быть, вы сердитесь на то, что у вас переманили учителя истории¹¹. О чем жалеть? Плохая, оказывается, наука — история. А все-таки я люблю ее, только с болью.

Благодарить ли тебя за предложение, Герцен?¹² Спасибо, друг. Может быть, деньги понадобятся, но не так много. Возьму тогда. Корш уехал в Петербург, Кетчер — в Пильниковский переулочок, а Марья Федоровна никуда не ездила, сидит у нас и сидя кланяется вам. Все вам кланяются.

Ваш Т. Грановский

На обороте 2-го листа:

Monsieur Monsieur Alexandre Herten
à Genève. Hôtel des Bergues.

Почтовые штемпели: «Moscou août 26 1849».

«Franco Grenze. Aus Russland».

«Berlin 10 Sept.». «Genève 21 Sept. 49».

¹ Упрек Герцена, о котором говорит Грановский, содержался в письме от 2—5 августа 1849 г. Герцен писал: «...скажу тебе откровенно: в обоих письмах твоих меня как-то болезненно удивили твои отзывы насчет Николая Платоновича (...). Сверх того, в твоих отзывах я не вижу прежней любви к нему» («А. И. Герцен. Новые материалы», цит. изд., стр. 69).

² Слова осуждения по адресу Огарева «вырвались» у Грановского в письмах к Герцену от июня и июля 1849 г. («Звенья», VI, 1936, стр. 361 и 363). В них в сжатом виде изложен тот же «обвинительный акт» против Огарева, с теми же преувеличениями, что и в комментируемом письме.

³ Герцен, отвечая на это письмо, писал Грановскому 21 сентября 1849 г.: «Что тут говорить: разумеется, многое больно и грустно в том, что ты пишешь насчет Ог(арева); я думаю, теперь это не так. Скажу одно слово: не лицо виновато, а с одной стороны — фатализм среды, а с другой — натура человека вообще. В этом, брат, убедись раз навсегда и не тереби личные отношения, потому что непременно дойдешь до того, что отпрянешь с негодованием» (V, 279). Дописывая 24 сентября это же письмо, Герцен, продолжая спор, говорит: «Сейчас получил письмо от Ог(арева); вот кстати-то пришло к нашей переписке. Я читаю его письмо и в душе отпускаю все прегрешения его. Какая свежесть, сила понимания! сколько реализма в его поэзии и сколько поэзии в его реализме! (...) Для меня истинно удивительно, как он так юн, полон душевной деятельности; эдакую натуру, видно, не скоро сломаешь» (V, 282).

⁴ Письмо «по поводу Крупова» см. выше (письмо № 1).

⁵ Отрывок из этого письма от слов «В дружбу мою к вам двум...» до слов «так полно и горячо люблю тебя» приведен Герценом в «Былом и думах», гл. XXIX (2) «На могиле друга», с некоторыми изменениями.

⁶ Переписка Огарева с Грановским, продолжавшаяся после «теоретического разрыва» 1846 г., свидетельствовала о том, что философско-политическое расхождение становилось все более глубоким, хотя внешне отношения возобновились. См. письма Огарева к Грановскому за 1847 г., особенно за январь—февраль («Звенья», I, 1932, стр. 114, 116, 120—123 и др.).

⁷ Весной 1848 г. Огарев, действительно, как пишет Грановский, оказавшись в Москве и узнав, что Евд. Вас. Сухово-Кобылина выходит замуж, дал волю своему давно, казалось бы, преодоленному чувству безнадежности. Он начал в это время сильно пить. В июле или начале августа 1848 г. он вернулся в Старое Акичено, а в ноябре туда же по его приглашению приехала Е. В. Салиас с детьми и гувернанткой. Роман Огарева с Е. В. Салиас продолжался недолго.

⁸ *Natalie*—Н. А. Тучкова, жена Огарева.

⁹ И. И. Маршев — побочный брат Огарева. В начале 1848 г. Огарев приобрел Тальскую фабрику, взял Маршева себе в «компаньоны», доверил ему большую сумму — 58 000 р. и предоставил кредит до 10 000 руб. сер. Маршев обманул доверие Огарева. Огарев стремился отстранить его от дальнейшего участия в управлении фабрикой и привлечь к суду, но плут оказался сильнее, и Огареву пришлось

«откупаться» от Маршева. Однако ни один случай ссылки крепостных Огарева на поселение нам неизвестен.

¹⁰ Огарев отправился в Одессу в надежде нелегально уехать морем за границу к Герцену. Только после неудачи этой попытки он вместе с Наталией Алексеевной перебрался в Крым. Клевета же на Сатина, о которой пишет Грановский, распространялась пензенскими крепостниками, чиновниками и жандармами и привела в феврале 1850 г. к аресту Огарева, Тучкова, Сатина, Селиванова и к возникновению известного дела «О безнравственных поступках пензенских дворян». Их обвиняли в организации «коммунистической секты». Тот факт, что Грановский упоминает о клевете на Сатина, показывает, что пензенский губернатор сумел заранее распространить в Москве слухи, порочащие Тучкова, Огарева и Сатина.

¹¹ Грановский имеет здесь в виду свое выражение в одном из предшествующих писем: «Обнимаю детей ваших. Учить их истории более не хочу. Не стоит. Довольно с них знать, что это глупая, ни к чему не ведущая вещь» (см. «Звенья», VI, 1936, стр. 363).

¹² Герцен предложил Грановскому деньги, в частности — для поездки за границу.

4

(Москва. Май — июнь 1851 г.)¹

Пользуюсь наскоро, чтобы сказать вам несколько слов, друзья мои. Какой-то добрый немец берет письмо мое для доставления вам. Он едет через несколько часов.

Кроме отрывочных сведений, сообщаемых Мельгуновым, мы ровно ничего не знаем об вас. Возвратились ли вы из Испании и где намерены жить этот год?

Мельгунов писал, между прочим, что ты, Герцен, разошелся с Гервегом². У тебя так мало близких отношений теперь, что разрыв этот должен был быть вдвойне тягостен. Много нужно внутренней силы в настоящем твоём положении³.

Если бы здешние друзья твои могли отправиться *en pèlerinage* * к тебе, они пошли бы все и привели бы с собою много лиц тебе неизвестных. О тебе осталось исполненное любви воспоминание не в одних нас, близких тебе. Я должен был раздать все бывшие у меня портреты твои (кроме одного, парижского) разным юношам. Есть негодяи, бранящие тебя, потому — бедны умом и подлы сердцем.

Книги твои дошли до нас⁴. Я читал их с радостью и с горьким чувством. Какой огромный талант у тебя, Герцен, какая страшная потеря для России, что ты должен был оторваться от нее и говорить чужим языком; но, с другой стороны, я не могу помириться с твоим воззрением на историю и на человека. Оно, пожалуй, оправдает Гайнау⁵ и *tutti quanti* **. Для такого человечества, какое ты представляешь в статьях своих, для такого скудного и бесплодного развития не нужно великих и благородных деятелей. Всякому правительству можно стать на твою точку зрения и наказывать революционеров за бесплодные и ни к чему не ведущие волнения. Все, что ты писал до сих пор, бесконечно умно, но оно обличает какую-то усталость, отрешено от живого движения событий. Ты стоишь одиноко. Ты, скажу без увлечения, значительный писатель, у тебя есть условия сделаться великим писателем, но то, что было в России живого и симпатичного для всех в твоём таланте, как будто исчезло на чуждой почве. Ты пишешь теперь для немногих, способных понять твою мысль и не оскорбиться ею. Скоро едут мои знакомые за границу, они привезут тебе большое письмо⁶; там расскажу подробнее обо всех нас и скажу, может быть, еще что-нибудь о книгах твоих.

Мне открывалась возможность ехать на Лондонскую выставку, но она мелькнула только. Наши все тебе и Наталье Александровне кланяются. Детей обнимаем. Лиза была крепко больна. Жму вам обоим крепко руки.

Ваш Т. Г.

* в паломничество (франц.).

** всех подобных (итал.).

На полях 1-го листа приписано⁷:

Открывается возможность получить ответ от тебя. По получении этого письма напиши тотчас по следующему адресу: Madame Margarete Wesendank auf Krakau bei Krefeld. Письмо будет мне доставлено.

На обороте 1-го листа: Александру Ивановичу.

¹ Датировано Герценом в «Полярной звезде на 1859 год»: «Весною 1851 г.» (на подлиннике ошибочно помечено Герценом: 1850 *МВ. МВ.* 20 июня 1851 г. Герцен писал жене, излагая мысль Грановского, высказанную в комментируемом письме: «Грановский» ждет еще, что я сделаюсь великим писателем... Нет, моя будущность переломлена» (VI, 411). Мы полагаем, что строки эти написаны вскоре после получения данного письма, чем и определяется приблизительно время его отправки (с оказией), а значит, и написания: май—июнь 1851 г.

² Письмо Н. А. Мельгунова Грановскому о разрыве Герцена с Гервегом (происшедшем в начале января 1851 г.) неизвестно.

³ Герцен впервые писал друзьям в Москву о событиях своей семейной драмы, повидимому, 19 июня 1851 г. — в ответ на комментируемое письмо (см. VI, 411). Письмо Герцена в печати неизвестно. Строки, посвященные разрыву с Гервегом, в печати Герценом были опущены.

⁴ Грановский имеет в виду книги Герцена «С того берега» и «Письма из Франции и Италии», вышедшие впервые на немецком языке в Гамбурге в 1850 г.

⁵ Фамилия *Гайнау* (Haupau), австрийского фельдмаршала, палача революционного движения в Италии и Венгрии, запятнавшего себя чудовищными зверствами, была, очевидно, неправильно прочтена Герценом. По крайней мере, печатая письмо, он воспроизвел фамилию Гайнау неправильно: Генау. Сколько-нибудь заметного деятеля с такой фамилией мы не нашли ни в одном справочнике того времени. Лемке считал начертание Генау опечаткой и без огорок превратил Гайнау в Гейнца (см. VI, 412), имея в виду публициста-республиканца Карла-Петра Гейнца. Это — недоразумение. Грановский говорит именно о генерале реакции, Гайнау (фамилия написана совершенно четко). В скептицизме и горечи, с какими Герцен критиковал буржуазную революцию 1848—1849 гг., Грановский совершенно неосновательно усмотрел опасность соскользнуть на путь косвенного оправдания реакции.

⁶ К этому месту Герцен сделал в «Полярной звезде на 1859 год» примечание: «В конце 1851 г. Грановский написал мне длинное письмо; письмо это, отданное в Париже моей матери, погибло вместе с нею 16 ноября».

⁷ Приписка в печати была опущена Герценом.

5

(Москва. Август 1853 г.)

М. С. ² доставит тебе это письмо и передаст изустно вести о нашем житье. От Мель(гунова)³ я узнал то, что до нас доходило только в неясных слухах и толках. Много горя пережил ты в эти годы. Оно не сломило тебя. Легче было бы нести его с друзьями, но у тебя достаточно сил, чтобы справиться с жизнью одному. Лучшей, отраднейшей мечте моей в настоящее время, надежде еще раз видеть тебя и обнять твоих детей, кажется, не суждено сбыться. Поездка за границу все более и более становится для меня трудною.

Если письмо, написанное мною по поводу книги твоей, тебя оскорбило, прости меня. Оно вылилось в минуту очень горькую, под влиянием толков и сплетней о книге, которой в то время я еще не читал ⁴. С другой стороны, ты многое забыл о России и, естественным образом, должен смотреть на многое не теми глазами, какими смотрим мы и смотрел бы ты сам, если бы остался с нами. Даль значительно изменяет предметы. Во всяком случае, письмо мое было написано не с целью оскорбить тебя — такая мысль мне никогда не приходила в голову. Я просто хотел заставить тебя подумать об осторожности. Она у нас очень нужна ⁵.

Судьба не поражала твоих здешних друзей такими ударами, какие ты испытал, но доедает их понемногу, закалывая булавками. Сердце ноет при мысли о том, чем мы были прежде и чем стали теперь. Вина пьем много по старой привычке, но веселья в сердце нет ⁶. Недавно проехал здесь Огарев, мы его не видали. Говорят, что он также хандрит и скучает.

М. К. Рейхель и ею пересланы в Лондон. Сам же Щепкин приехал в Лондон позже, только 3 сентября

² М. С. — Михаил Семенович Щепкин.

³ Неясно написанное начало фамилии мы читаем: «Мель», т. е. Н. А. Мельгунов. В 1853 г. по вызову III Отделения Мельгунов приезжал в Россию для объяснений по делу Н. Ф. Павлова. В 1850—1852 гг. Мельгунов был близок к Герцену. Он был среди тех немногих лиц, которым Герцен особенно доверял (см. письма Мельгунова в настоящем томе). Грановский говорит здесь о семейной драме Герцена, о которой рассказал ему Мельгунов.

⁴ Речь идет о весьма резком письме Грановского Герцену, написанном в 1851 г. по поводу книги «О развитии революционных идей в России». Этого письма Герцен, щадя память Грановского, не обнародовал (см. «Звенья», VI, 1936, стр. 356 и сл.). Комментируемое письмо подтверждает, что в 1851 г. Грановский напал на книгу Герцена, еще не прочитав ее, что обвинения «вылились» «под влиянием толков и слухов». Между тем, это выступление Грановского сыграло немалую роль в отношении Герцена с «московским кружком» и осложнило планы и намерения Герцена в деле создания «Вольного русского книгопечатания». Герцен квалифицировал это письмо Грановского и аналогичные выговоры и упреки со стороны «москвичей» как желание ему «намордник надеть ругательными письмами» (VI, 462).

⁵ Вновь потребовать от Герцена «осторожности» московские «друзья» поручили М. С. Щепкину, ехавшему за границу. Встречи и разговоры с Щепкиным описаны самим Герценом в его некрологе Щепкина (XVI, 504). Из сопоставления этого очерка с письмом Грановского 1851 г. (см. «Звенья», VI) становится ясно, что Щепкин повторял аргументы Грановского, повторял в той самой последовательности, в какой они изложены в письме Грановского: сперва речь шла о том, что прямые политические выступления увеличивают осведомленность III Отделения, затем о том, что в результате «похвал Белинскому», содержащихся в герценовской книге, о Белинском стало невозможно говорить в печати, и, наконец, о том, что Кавелина вызывало начальство и сделало ему «предупреждение». Теперь ясно, насколько был исторически точен Герцен, перечисляя этапы, подготовившие его разрыв с либерально-буржуазным московским кружком: «...сначала моя эмиграция, потом моя брошюра „Du développement des idées révolutionnaires“ и, наконец, лондонская типография» (XVI, 506).

⁶ Строки письма от слов «сердце ноет...» до слов «...веселья в сердце нет» процитированы Герценом в некрологе Грановского «На могиле друга», включенном в «Былое и думы» (XIII, 118). К ним Герцен присоединил две фразы, взятые из других мест того же письма.

Воспользуемся случаем и отметим, что цитаты из писем Грановского, которыми заключает свои воспоминания Герцен, взяты им свободно из разных писем; а справки, которыми эти цитаты сопровождаются, не всегда точны. Например, говоря: «Одно из последних писем он [Грановский] заключает так: „Слышен глухой, общий ропот, но где силы? Где противодействие? Тяжело, брат, а выхода нет *живому*“» (XIII, 118), — Герцен в свободной форме передает содержание отрывка из раннего письма — от июня 1849 г., а совсем не «заключение» «одного из последних писем» (см. «Звенья», VI, стр. 361). Отметим также, что слова Герцена, следующие за приведенной цитатой: «Быстро изнашивает на нашем Севере дикое самовластие людей. Я с внутренней боязнью осматриваюсь назад, точно на поле сражения, — мертвые да изуродованные...», по ошибке были присоединены Лемке в редактированном им издании к самой цитате и приписаны, таким образом, Грановскому. Эта ошибка повторена в последующих изданиях «Былого и дум» (правильный текст см. «Полярная звезда на 1858 год», стр. 124).

(Москва. Конец мая — начало июня 1855 г.)¹

Годы прошли с тех пор, как мы слышали в последний раз живое слово от тебя. Отвечать не было возможности. Над всеми здешними друзьями твоими висела туча, которая едва рассеялась. Надолго ли? Бог знает. Но утешительного мало и впереди, хотя живется как-то легче.

Из сочинений твоих некоторые дошли и к нам с большим трудом и в большой тайне. Друзья твои прочли их с жадностью, любовью и грустью. От них веет нашею прошлостью, общею молодостью и нашими несбывшимися надеждами. Многого хотели! а на чем помирила нас судьба?! Менее всего понравился здесь «Юрьев день». Зачем ты бросил камень в Петра², вовсе не заслужившего твоих обвинений, потому что ты привел неверные факты. Чем дольше живем мы, тем колоссальнее растет пред нами образ

Петра. Тебе, оторванному от России, отвыкшему от нее, он не может быть так близок и так понятен. Глядя на пороки Запада, ты клонишься к славянам и готов подать руку Хомякову или Аксакову. Поживи ты здесь, и ты сказал бы другое. Надобно носить в себе много веры и любви, чтобы

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Фотография, принадлежавшая Герцену

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

сохранить какую-нибудь надежду на будущность самого сильного и крепкого из славянских племен. Наши матросы и солдаты славно умирают в Крыму, но жить здесь никто не умеет. Многое услышишь от П(икулина).

Еще одно замечание по поводу твоих сочинений. Если ты хочешь действовать на мнение у нас, не печатай таких вещей, как песня Соколовского³. Она оскорбила многих, которые иначе остались бы довольны

книгою и согласились бы с нею. Вообще, имей более в виду твоих читателей и берегись неверных фактов, которые у тебя часто проскакивают.

Но довольно общего, перейдем к частному. У меня опять проснулась надежда когда-нибудь видетъся с тобою и пожать тебе крепко, братски руку. Может быть, через год. Сколько перемен, сколько горя, сколько утрат со дня нашей разлуки.

Что сказать тебе? Память о тебе свято сохранилась в кружке твоих друзей. Когда случай сводит нас вместе, рассеянных теперь, твое имя чаще всех других раздается между нами. Где-то увидим тебя? Только не здесь.

Твой —

Приписка Н. Х. Кетчера:

Да, сильно и горько чувствуют друзья твои, что тебя недостает им. Скверно, тягостно и мучительно положение их в бесплодной и неприязненной или совершенно индифферентной стране; но я уверен, что тебе еще тягостнее даже и в благодетельных климатах. Что там ни говори, а я убежден, что ты сросся с нами, как мы с тобой; что нас не заменит тебе никто — ни самая горячая деятельность, в которую ты бросаешься. Если б ты был с нами или мы с тобой — ты поспорил бы, поругался, поставил бы несколько бутылок шампанского за прочет и на верное не напечатал бы многого или напечатал бы, да не так. И мы не доходили бы так часто до временной апатии. Податель, мой сынишка ⁴, передаст тебе все живее и подробнее и даже представит в лицах. Что, Сашка, Наташа — выросли, развились так, что и не узнаешь? До нас даже и слухи о твоём житье-бытье доходят чрезвычайно редко и смутно. Обнимаю тебя от души и крепко, крепко жму руку — и зачем не могу сказать: до свидания! — Прощай!

Надпись рукой Герцена на 1-м листе:

Последнее письмо Грановского. NB.

¹ Печатаю письмо в «Полярной звезде на 1859 год», Герцен датировал текст так: «1854 г.». Мы полагаем, что Герцен ошибся и что письмо следует датировать 1855 г.: в тексте содержится упоминание о поездке П. Л. Пикулина за границу. Об этой поездке имеются точные данные. Пикулин был у Герцена в середине августа 1855 г. Какое-то время он до поездки в Лондон прожил в Вене (VIII, 195, 201, 228) — по нашим расчетам около двух месяцев. Следовательно, из России он уехал в начале июня 1855 г. Может ли быть, чтобы письмо, написанное в 1854 г., дождалось okazji столь длительное время? Кроме того, мог ли Грановский сообщать о предстоящем отъезде Пикулина за границу в 1854 г., в разгар Крымской войны, до смерти Николая I, когда всякие поездки за границу по частным надобностям были крайне затруднительны? Мы полагаем, что письмо Грановского написано не в 1854, а в 1855 г., скорее всего непосредственно перед отъездом Пикулина, т. е. в конце мая или в начале июня.

² Грановский ошибся. См. вступительную статью к настоящей публикации, стр. 89, примечание.

³ Песенка В. И. Соколовского «Русский император в вечность отошел...» была напечатана Герценом в книге «Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера» (первые три части «Былого и дум»). Книга вышла в свет в Лондоне осенью 1854 г.

⁴ Сынишка — П. Л. Пикулин, называвший, в свою очередь, Кетчера «мой родитель».